

НАТАЛЬЯ ХОЦ

Пирожки для Души

12+

Наталья Хоц
Пилюльки для души

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Хоц Н. Б.

Пилюльки для души / Н. Б. Хоц — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Это небольшие рассказы про жизнь, знакомую каждому человеку.
Своеобразное антистрессовое чтение с обязательным счастливым концом.
Практически – лекарство от стресса.

Содержание

Золушка Каренина.	6
Непутевая.	16
Режим «On line».	24
Дорогие мои	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пилюльки для души
Сборник рассказов

ОДОБРЕНО Минздрав России
друзьями и родственниками никакого отношения
автора к средству не имеет

ИНСТРУКЦИЯ
по применению препарата

ПИЛЮЛЬКИ ДЛЯ ДУШИ

Регистрационный номер: АБВ№1234567890 от 20.10.2010

Международное непатентованное название: пилюльки для души

Лекарственная форма: небольшие тексты

Состав: каждая пилюлька содержит:
лиризма – 2-8%; драматизма – 1-3%; комизма – 0,5-2%; доброты и позитива – 87-96%,
happy end.

Фармакологические свойства: терапевтическое чтение от стресса

Показания к применению:

- нахождение в состоянии стресса;
- профилактика стресса;
- усталость;
- грусть;
- скука;
- езда в общественном транспорте;
- бессонница;
- пребывание на отдыхе;
- романтический настрой;
- свободная минутка.

Противопоказания:

индивидуальная непереносимость подобных текстов или автора

Способ применения и дозы:

чтение вслух или про себя, 1-2 пилюльки в день

Передозировка: маловероятна

Взаимодействие с другими текстами: желательно и всячески приветствуется
Особые указания:

использование пилюлек не может дать положительный эффект при допинг-контроле

Условия хранения:

хранить в доступном для родных и друзей месте, при температуре благоприятной для
поддержания жизни

Золушка Каренина.

Наверное, самой любимой сказкой миллионов девочек была, есть и будет «Золушка». История сиротки-замарашки, в одну секунду, по мановению волшебной палочки превращающаяся в прекрасную принцессу, согревает сердца юных романтических особ. Почему только юных? Потому что с возрастом приходит здоровый скептицизм – а фея-то, скорее всего, не появится, а если и предположить такой поворот сюжета, то потерянная туфелька подойдет по размеру половине гренадерского полка – розовые очки слетают, как перезревшие плоды с деревьев, проявляется реальная картинка жизни во всем ее прекрасном безобразии. Проходят века, одно поколение молодых сменяется другим, передавая по наследству яростную жажду счастья, не простого, тихого, местечкового, а такого, о котором будут ходить легенды, о котором напишут-таки сказку «Золушка-2». И ведь случается, правда-правда, случается! Только вот ведь парадокс. Сказка-то заканчивается свадьбой, а жизнь после этого, как правило, продолжается, но сверять ее уже не с чем. Потому что ни у одного сказочника не хватило фантазии так украсить семейную жизнь, чтобы она стала достойна их пера. То, что происходит после свадьбы, принадлежит только двоим, и посторонним вход воспрещен! Конечно, есть лазейки и замочные скважины, но это, согласитесь, уже не «Золушка», а какая-нибудь «Анна Каренина».

Впрочем, ни о чем таком я не думала на пороге своего двадцатилетия, когда в мою жизнь ворвалась, как ураган, первая, сумасшедшая, невероятная, сказочная любовь. Меня, простую девочку-бесприданницу с рабочей окраины, правда, умницу и красавицу, встретил и полюбил настоящий принц, наследник заводов, газет, пароходов. В наше удивительное время такие принцы уже не редкость, но в невесты они выбирают, как правило, принцесс, не опускаясь до замарашек, даже весьма привлекательных. Мой же герой оказался исключением, которое, как известно, лишь подтверждает правило.

На четвертом курсе очень престижного института, куда я попала только благодаря победе в телевизионной игре для школьников – суперинтеллектуалов (что-что, а учиться я всегда любила!), меня и еще троих ребят, то есть тех, кто шел на «красный» диплом, направили на практику в крупный банк. Нам предстояло на деле убедиться, как относится дебет к кредиту, и как надо исхитриться, чтобы они полюбовно сошлись. Впереди вырисовывалась прекрасная перспектива получить работу в этом вместилище капитала, при условии, что я хорошо себя зарекомендую. В себе я не сомневалась и была твердо уверена, что вытянула счастливый билет, попав сюда еще до окончания института. Ведь вместо «мохнатой лапы» у меня были только ум, работоспособность и коммуникабельность.

По окончании трудового дня личные авто уносили моих сокурсников. Кого в дорожные фитнес клубы, кого в иные развлекательные заведения. Меня же родной метрополитен мчал в, богом забытое, Гольяново к маме, кошке Дусе и бесчисленному количеству книг, которые непременно нужно было прочитать, чтобы быть на передовом рубеже современной экономики.

Практика заканчивалась. Начальник отдела, в котором я работала, ясно высказался, что заинтересован в нашей дальнейшей совместной работе, и что в следующем году пришлет на меня персональный запрос. Окрыленная выходила я в последний вечер с работы. На стоянке служебных машин от огромного черного «Лэнд Круизера», отделилась мужская фигура, словно сошедшая с обложки модного журнала, и направилась ко мне.

– Добрый вечер, Маша.

– Здравствуйте. Мы знакомы?

– Я бы сказал, односторонне. Ваша практика успешно завершена, а значит, я могу пригласить Вас сегодня на ужин. Что я и делаю.

– Пригласить можете. А я могу не согласиться с этим предложением. Что я и делаю.

Я круто развернулась и замаршировала к метро, впрочем, не слишком споро, незнакомец, надо отдать ему должное, меня заинтриговал. Надо же, знает, как меня зовут, и то, что практика закончилась, интересно, что еще? И зачем? Никто не бросился мне вдогонку. Обидно! По мере удаления от банка настроение мое менялось. Сначала я была уверена, что он остановит меня каким-нибудь оригинальным способом, потом стала согласна и на банальное: «Девушка, притормозите на минутку...» Увы!

Стоя на эскалаторе и ловя на себе восхищенные взгляды молодых и не очень людей, я приободрилась. В конце концов, главное сейчас, это учиться, учиться и еще раз учиться, а все остальное надо отложить на потом. До пенсии, услужливо подсказало подсознание. Мысленно показала ему язык.

К дому я подходила, полная решимости перелопатить уйму литературы и еще... Планов громадзе в одно мгновение превратилось в бабочку и выпорхнуло из головы – прямо у подъезда, опираясь на блестящий бок автомонстра, стоял и улыбался банковский незнакомец. Стоял и улыбался, находясь под прицелом доброго десятка взглядов, причем отнюдь не доброжелательных, соседских бабушек подружек-болтушек. Они давно бы начали словесный арт-обстрел с лейтмотивом «чтобы вас тут не стояло», но любопытство, и к кому же такое сокровище пожаловало, сдерживало их праведный гнев. Я мгновенно оценила ситуацию: есть три варианта действий. Первый – пройти в парадное, сделав вид, что ничего не знаю, моя хата с краю... Оценка: два – не получится, так как меня уже заметили, бабульки заметно повеселели в предвкушении представления. Второй – провести блиц-опрос, кто он и что ему надо... Оценка: единица – при такой аудитории! нет уж, увольте. Остается третий... Лучезарно улыбаясь, я подошла к незнакомцу, бросив на ходу: «Привет!», и, распахнув дверцу, одним махом взлетела на переднее сидение джипа.

Правда, когда он сел на водительское место, сердце мое выстукивало «Танец с саблями» Хачатуряна. Придав голосу максимально возможную твердость, я скомандовала:

– Вперед! Остановитесь за углом и...

– Какая решительная у меня спутница! Позвольте мне хотя бы представиться...

– За углом!

Я ожидала, что машина взревет мотором и рванет с места, как гепард, выбравший жертву. Но, плавный ход автогиганта напоминал скорее мягкую поступь домашней кошки. Да и слабое урчание, доносящееся из утробы двигателя, было сродни звукам, производимым моей киской Дусей, когда та полностью довольна жизнью.

В полном молчании мы выехали со двора. Не знаю, как его, а меня это полностью устраивало, голова была чиста, как полянка, покрытая первым снегом, о чем беседовать с этим мачо, я понятия не имела. Но, когда позади остались добрых три квартала, а машина все ехала, не сбавляя скорости, пришлось заговорить:

– Послушайте, по-моему, Вы заехали слишком далеко.

– Главное, чтоб я далеко не зашел, верно? – он явно веселился, видя мои безуспешные попытки сохранять невозмутимый вид.

– Забавное у Вас хобби – пугать девушек.

– Пугать? Господь с Вами! Я изо всех сил стараюсь Вам понравиться... – Оригинальный, однако, способ знакомства. Больше смахивает на похищение.

– Сударыня, но Вы сами захотели быть похищенной... И не спорьте. Да-да, Вы влетели в мою машину, как шаровая молния, велели немедленно ехать неведомо куда. Мне оставалось только подчиниться. Я не похититель, я – несчастная жертва. Ваша жертва.

В его словах, пусть дурашливых, была правда, этого я не могла не признать. И мне было стыдно, очень стыдно.

– Послушайте, но не могла же я устраивать Вам допрос с пристрастием, кто вы и откуда, прямо у подъезда. Вы же видели, сколько там было зрителей.

– Да, там сидело несколько барышень начала прошлого века, но мне абсолютно нечего скрывать. Я готов отвечать на любые анкетные, и не только, вопросы всем, кто готов выслушать ответы. Нет, Вам не удастся переложить вину за свое вопиющее поведение на милейших бабушек. Не знаю, не знаю, как Вам искупить свои прегрешения.

– А впрочем... – Если Вы согласитесь поужинать со мной, может я и смогу забыть все обиды. Человек слаб.

Самые противоречивые чувства одолевали меня – подступающие слезы боролись с приступом гомерического хохота, желание выскочить из машины на полном ходу, сменялось жгучим любопытством, чего еще можно ждать от этого субчика. Любопытство победило. В конце – концов, практика закончена, сессия блестяще сдана. Имею я право на маленькое приключение?!

– Вы убедили меня. Пожалуй, я найду минутку в своем плотном графике и выпью с Вами чашечку кофе. Но Вы должны гарантировать мне полную свободу передвижения. И если я прошу вас остановиться... Джип резко замер посреди оживленного перекрестка. Со всех сторон нас объезжали раздраженно сигналившие машины. Мой спутник оставался абсолютно невозмутим. Убрав руки с руля, он смотрел на меня с притворной покорностью. Ну, что с таким делать?

– А я этого не прошу... – машина легко набрала крейсерскую скорость, – Вы – сумасшедший?

– Это главный вопрос, который Вы выясняете при знакомстве? Играть дальше в словесный пинг-понг смысла не имело, противник был явно сильнее. Меня охватило безудержное веселье, плевать, что еду неизвестно с кем неизвестно куда, зато я молода, красива, и в сумочке, если что, хватит денег, чтобы добраться до дома из любой части Москвы, да здравствует общественный транспорт! Машина остановилась у небольшого, уютного кафе. Мне очень нравились эти маленькие, стильные кафешечки. Правда, я ни разу не бывала там, мы с мамой могли себе позволить только демократичный Макдональдс, или “Му-му», но я часто мечтала, как поведу мамочку в такое кафе с первой зарплаты.

Мои однокурсницы вечно состязались друг с другом, кто раскрутит своего кавалера на большую сумму. Я, мягко говоря, не разделяла их охотничьего азарта.

– Платим, каждый за себя, – с этими словами я вошла в предупредительно распахнутую дверь.

– А я надеялся, ты меня покормишь, – прошептал он мне в ухо, и, видя, как я застыла на пороге, легонько толкнул вперед, – шучу, шучу.

Мы сели за аккуратный маленький столик, накрытый белоснежной накрахмаленной скатертью. Официант принес два толстых фолианта меню. В глазах сразу замелькали нолики цен. На кофе хватит, а вот от пирожного придется отказаться. Я подняла глаза. Мой визави пристально разглядывал меня, очевидно, предпочитая это зрелище меню.

– Вы что же, знаете всю эту книжицу наизусть?

– Я не умею читать... Интереснейший ты, Маша, экземпляр...

– Разве мы перешли на ты?

– Да. Мне, пожалуйста, все самое вкусное в двойном экземпляре, – обратился он к официанту, – и три корочки хлеба.

– Все верно, дорогая?

– Конечно, дорогой, ведь у тебя сегодня разгрузочный день. Обычно он съедает пять порций – мило улыбнувшись официанту, я продолжила, – мне чашечку кофе, пожалуйста.

И тут мой великолепный кавалер захохотал так громко и заразительно, что я тоже невольно засмеялась. На нас оглядывались служащие и немногочисленные посетители кафе, но это было неважно. Главное, передо мной сидел умный, очень симпатичный собеседник, и можно было насладиться этим вечером, отбросив всякие комплексы и предрассудки.

В кафе мы просидели до закрытия, болтали обо всем на свете. Когда я, наконец, попала домой, мама спросила:

– Теперь что, директора банков практикантов по домам развозят?

– Нет, мам, он не директор банка, просто там работает.

– И давно?

– Второй год.

– И смог уже заработать на такую машину?!

– Это ему родители подарили.

– И кто у нас родители?

– Какая разница?

– Какая разница? Какая разница! Ты, надеюсь, понимаешь, что я тебе такую машину смогу купить, только если не буду спать и есть, а только работать примерно лет 20...

– Мамочка, не нужна мне такая машина. Хотя! Почему бы нет. Только заработаю я на нее сама. Босс обещал в следующем году на меня персональный запрос прислать. Я молодец. Ты мной гордишься?

– Горжусь, горжусь. Только не уводи меня от темы. Помнишь у Лопе де Веги: «Меж неравных, не уживается любовь».

– Да кто говорит о любви, мам. Я его первый раз сегодня увидела. И последний...наверно.

Больше его не увижу? Мне почему-то стало грустно. Может дело в антураже. Вот если бы он был в выдавших лучшие времена джинсах, облезлой куртенке, мы сидели бы на лавочке в сквере и ели шаурму, что тогда? Да ничего. Даже лучше бы было. Я бы сразу оказалась «в своей тарелке», не дергалась бы. И вообще...

– И вообще, мамуля, XVI век давно в прошлом.

– А вот здесь ты ошибаешься, детка.

И все-таки мы увиделись. Через две недели. Каждое лето, начиная с 9-ого класса, я подрабатывала на мамином предприятии. Мы вместе вернулись вечером домой, и только успели поставить чайник, как в дверь позвонили. На пороге стоял мой принц. С цветами.

– Привет! Раньше прийти не мог. Был в командировке в Гамбурге.

– Да ради бога. Вообще не ожидала тебя увидеть.

– Врешь. Здравствуйте, – это уже маме, – разрешите представиться, Александр Кротов, специалист по международной экономике, холост, без вредных привычек... Это Вам! – он протянул маме букет, а из недр дипломата возникла обалденная коробочка конфет.

– Вера Петровна. Инженер-технолог, вдова с вредными привычками, люблю, знаете ли, вопросы задавать. А конфетки, как раз, кстати, пойдете чай пить, там Вы мое любопытство удовлетворите, надеюсь.

– С радостью. Но в другой раз, Вера Петровна. Я хотел сегодня у Вас дочь на вечер украсть, если позволите.

– Крадут, Александр Кротов, навсегда. А на вечер приглашают. Пожалуйста, я не против, только учтите, ей рано вставать, – и мама удалилась на кухню.

– Мировая у тебя мама! Пойдем быстро прикинем, в чем тебе идти.

– Куда идти? Зачем? Никуда я не собираюсь идти. Что ты делаешь?! Принц бесцеремонно распахнул мой шкаф.

– У тебя что, ни одного вечернего платья нет?

– Они все брильянтами расшиты, в швейцарском банке хранятся. Какого черта ты сюда залез?!

– Прости, времени в обрез, ну, ничего, успеем в магазин заскочить.

– В какой магазин? Почему времени в обрез? Что происходит, наконец?!

Он усадил меня в кресло, присел напротив на корточки, взял мои руки в свои.

– Я понимаю, что веду себя, как урод, ничего не объясняю, суечусь, тороплюсь... Но мы опаздываем, понимаешь? Ты можешь мне просто довериться? Не спрашивай ни о чем.

– Собирайся, и поехали, ладно?

Как интересно жить! Весело и интересно! Быстро надела наряд-ное летнее платьице, тронула помадой губы, на ноги – босоножки на шпильке. Я готова!

Принц оглядел меня ласково, но с ноткой жалости что ли. Честно говоря, я рассчитывала на другой эффект.

– В машину! Быстренько-быстренько ножками перебираем... Галопом сбежали по лестнице, влетели в приятную прохладу салона машины. И вот мы уже несемся по изнывающим от зноя улицам. Душа поет от молодости, от радости, от загадочной прелести наступающего вечера. Остановились у бутика известной марки одежды.

– Девушки, – обращается он к приветливым продавщицам, стайкой выбежавшим нам навстречу, – сделайте из этой принцессы королеву.

Стоп! Душа замолчала. Песня оборвалась.

– Я не достаточно хороша для Вас, сэр?

– Ты прекрасна. Но я хочу, чтобы брильянт получил достойную оправу

– А брильянт этого не хочет. Я такая, какая есть, и если кому-то что-то не нравится, то это его трудности. Ищите, Шурик, другие камни. Менее твердые.

Вышла из магазина. Он оказался рядом. Остановил. Развернул к себе. Посмотрел в глаза.

– Другие мне не нужны.

Так хорошо сказал, что сразу убедил. Не нужны. Самое главное, вдруг стало понятно другое, мне тоже никто другой не нужен. Как странно, оказывается, любовь может иметь точное время рождения. Я посмотрела на часы. Без четверти семь. 18-45. Как странно.

– Прости меня. Я ни в коем случае не хотел тебя обидеть. Едем?

– Да!

Оказалось, в этот день его отец отмечал свой юбилей. По этому поводу был снят модный ресторан, собралась вся семья, друзья, коллеги. Людское море обступило нас, пытаясь разметать в разные стороны, но мой капитан, ни на секунду не выпуская моей руки, пробирался сквозь улыбки, объятия, рукопожатия и приветствия, держа верный курс в одному ему ведомую, тихую бухту.

– Пап, мам, это Маша.

Вот веселый, насмешливый взгляд всемогущего магната, а вот настороженный, оценивающий – великолепной дамы, стоящей рядом. А мне не страшно. Я, как щитом, укрытая новым чувством, заполнившим меня полностью, испытывала только огромную благодарность к людям, подарившим миру и мне такого сына.

– Идите, развлекайтесь, надеемся, у нас будет время поговорить.

Мы что-то ели, пили, танцевали, с кем-то знакомились, о чем-то болтали, все слилось для меня в один яркий фейерверк. Запомнилась одна сценка. Я вышла в дамскую комнату и случайно услышала разговор двух безумно красивых молоденьких особ:

– Видала, кого Алекс притащил? Дворянку какую-то.

– Не волнуйся, поиграет и выбросит. Хотя... Говорят, в Европе теперь мода такая.

– Глупости! Надо бороться за чистоту породы, наш круг так узок...

Мне стало смешно. Скажите, пожалуйста, порода! Основной породный признак – богатый ошейник и попонка!

– Скрещивание в узком кругу ведет к имбридингу и быстрому вырождению. Проконсультируйтесь у заводчиков, – я, не спеша, проплыла мимо «породистых» глупышек, оставив их в полном замешательстве.

Потом был вальс. Мне казалось, что вместе с нами кружатся в танце и стены, и люстры, и вся Москва, и весь мир.

- Спасибо тебе, ты подарил мне сказку.
- Я еще даже не начинал.
- А мне уже хватило. Одно только плохо...
- Что?
- Я никакого подарка твоему папе не сделала.
- Машка, ты сама подарок!

Вечер близился к завершению. Народ стал потихоньку расходиться. Мой принц со всеми попрощался, с кем-то у него завязалась оживленная беседа. Я осталась за столиком одна. Ко мне под села его мама.

- Как Вам вечер, Машенька?
- Спасибо, это похоже на прекрасный сон...
- За снами, увы, следует пробуждение.
- Да, жаль, что такой чудесный праздник заканчивается.
- Праздник? Вы хорошая девочка, Маша. Я не хочу, чтобы Вы были в плену напрасных иллюзий. Вам не показалась странным, что Алекс так много знает о Вас – адрес, генеалогическое древо...
- Я думала, он знает только адрес. Про ДРЕВО он умолчал.
- Да-да, мы знаем все и про Ваших родителей, и про репрессированного дедушку, и про прадеда священника.

– Надо же, даже я этого не знала. Это, наверное, по папиной линии?

– Мы занимаем такое положение, деточка, что должны быть очень аккуратны при выборе знакомых. Даже мимолетных знакомых. Алекс всегда советуется с нами, когда хочет завести очередную подружку.

– И часто он ... нуждается в совете?

– Гораздо чаще, чем нам хотелось бы. И это притом, что у него есть официальная невеста. К сожалению, она не смогла сегодня прилететь сюда, в Гамбурге осталось много дел.

Главное, как говорит мама, держать удар. Даже сокрушительной силы. Будет время и место зализывать раны. И я улыбнулась:

– Вы замечательные родители. Если бы я, имея жениха, привела к маме кого-нибудь другого... Даже не знаю, что бы она со мной сделала.

Королева смотрела на меня тяжелым взглядом:

– Не теряйте голову, дорогая. Чем скорее Вы «проснетесь», тем будет лучше для Вас. Прощайте.

Она поднялась, сверкая умопомрачительными бриллиантами, и удалилась, оставив после себя тонкий аромат роскошных духов. Подошел Принц. Я смотрела на него и не могла понять, что изменилось так внезапно. Он был прежний, и чувство мое было неизменно. Догадалась! Появилась дистанция. Я видела его, как в перевернутый бинокль. Вроде дотронуться можно, но он далеко, очень далеко!

– О чем это вы болтали с маман?

– У женщин свои секреты.

– У тебя сейчас такое лицо, как будто ты теорему Ферма доказываешь. Знаешь, что не докажешь, но пытаешься.

– Пойду, черкану пару формул.

– Возвращайся скорей. У нас на сегодня программа не закончена. Все только начинается. У нас с тобой, Машка, все впереди. Ура?

– Гип-гип.

Тихонько выскользнула в коридор, оттуда на улицу. Как душно! Будет дождь. А может, это мне дышать не чем? Только мне? Отошла подальше от ресторана и села в каком-то скверике под раскидистым кленом. Отсюда был виден сияющий огнями чудесный ковчег, на котором

остался мой Принц. Он поплывет к своему Арарату без меня. Есть, кому стоять рядом с ним, Есть, кому строить новый мир. Его мир. В нем нет места для меня. А я... У меня останутся воспоминания. Я буду снова и снова переживать события этих двух вечеров. Всего двух? Целых двух. А потом потоп поглотит меня...

И в тот миг, как я подумала о потопе, сверкнула молния, раздался оглушительный раскат грома, и небеса разверзлись. Знатный ливень обрушился на Москву. За стеной дождя стали почти неразличимы добрые огоньки человеческого жилища. А если молния ударит в дерево, под которым я сижу? Тем лучше. Это быстрее и легче, чем утонуть в пучине памяти.

Но гроза миновала. Закончилась также внезапно, как началась, оставив меня, промокшую насквозь, и абсолютно невредимую. Надо было идти домой. Я сняла босоножки и зашлепала по теплым лужам. Город спал, умытый и посвежевший. Изредка пронеслись запоздавшие машины, поднимая фонтаны брызг. Кто сказал, что любовь должна быть обязательно счастливой? Она пришла, и это уже счастье. Петрарка и Лаура, Дон Кихот и Дульсинея Тобосская, это ли не образчики любви.

«Мне грустно и легко; печаль моя светла; Печаль моя полна тобою...»

К дому подошла, когда уже светало. Mamочka заохала и заохала надо мной:

– Никогда тебя больше не отпущу с этим типом. Как он мог так с тобой поступить?! Не проводил...

– Mam, я просто сбежала. И отпускать меня с ним тебе не придется. История закончена.

Рассказала в двух словах перипетия этой ночи.

– Ты у меня просто Золушка. Босиком убежала с бала. Туфельку не потеряла?

– Нет.

– Ну и молодец! Ложись, поспи. Завтра на работу можешь не приходить, я договорюсь.

Проснулась я около одиннадцати, под боком удобно примости-лась кошка Дуся. Мама давно ушла на работу. Я включила телеви-зор и пошла умываться. Образовался нечаянный выходной, как его провести? Да никак. Сейчас оденусь и поеду на работу.

– Сегодня ночью произошла серьезная авария, – диктор назвал место недалеко от нашего дома, – в которой пострадали семь человек. Подростки, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, угнали КАМАЗ, не справились с управлением на скользкой от дождя дороге, выехали на встречную полосу и врезались в джип, за рулем которого, по непроверенным данным, находился сын известного бизнесмена Кротова. От удара расплющился весь перед грузовика, а дорогая иномарка превратилась в груды металлолома. Подростки получили травмы различной степени тяжести, водитель джипа доставлен в больницу в критическом состоянии...

Это не Саша! Только бы это был не Саша! Ведь данные непроверенные... А рука уже тянулась к телефонному справочнику. ЦКБ

– нет такого больного. Склиф – тоже мимо. Ведомственные больницы – нет. Госпиталя – нет. Стало немного легче. Ведь если что, его доставили бы в лучшую клинику... А может... Набрала номер нашей районной больницы.

– Поступил ночью. Находится в реанимации. Состояние крайне тяжелое.

Сломав голову, в чем была, слетела по лестнице – еще вчера мы бежали с ним вместе – скорее, скорее к нему. Что нужно, все отдам: кровь, почки, сердце. Только живи!

– Вы ему кто? – спросили на входе.

– Невеста! – сказала и осеклась, а вдруг там невест уже целый батальон. Да какая разница! Доброты много не бывает, и тепла, и желания помочь, поддержать, поделиться душой, силой, энергией. Чем больше людей сейчас думают о нем, тем лучше.

Возле реанимации стояла охрана. Тихо плакала в углу, еще недавно недосыгаемая владычица мира, а сейчас просто, убитая горем, несчастная мать. Я подошла. Что-то надо было сказать, спросить... Но ноги подогнулись, я плюхнулась рядом и разревелась. Так мы и сидели, обнявшись, лили слезы и молились, молились, молились...

Уже ближе к ночи вышел врач, сказал, что кризис прошел. Состояние очень тяжелое, надо настраиваться на долгое и трудное лечение и реабилитацию, но угроза для жизни миновала. Какое счастье!!! Пусть велика вероятность, что он останется инвалидом, это не важно, здесь мы еще поборемся. Главное, он будет жить! Нечего плакать! Надо готовиться к упорной борьбе за его здоровье.

А невеста? Что невеста? Помогу, чем смогу и отползу в сторону. – Иди, девочка, домой.

– Я посижу еще. А Вы, Алла Павловна, езжайте. Вам надо отдохнуть.

– Я останусь. Что мне дома делать? Из угла в угол ходить? Лучше рядом с ним.

Она помолчала, а потом:

– Прости меня, девочка. Я так виновата. Вот меня бог и наказал.

– Зачем Вы так говорите, Алла Павловна?

– Знаю, что говорю. Мы ведь с мужем всякого в жизни хлебнули. В бараке жили, с хлеба на воду перебивались. Сашенька родился, все пеленки-распашонки по друзьям собирали. А потом, видишь, как жизнь повернулась. Всего через край стало, а страх в душе остался, вдруг опять все переменится. Все старалась, чтобы у сына все самое лучшее было: и игрушки, и тряпки, образование... Невесту вот ему с отцом подобрали, чтобы по статусу подходила, чтобы состояния двух семей объединились. А то, что не любит он ее, так то, стерпит, слюбится... Позвонили ей утром, как все это случилось, а она: «Передавайте ему привет, пусть скорее выздоравливает...» Сволочь! Ты вот сразу примчалась... Что ж я, дура такая, наделала! Ведь я как думала. Что от Санечки моего девкам надо? Ясно – деньги, будь они неладны! Каждая хочет в его кошелек руку запустить. Не позволю! Четко отслеживала всегда, с кем встречается, что делает. Ты ему сразу понравилась. Ждал только, когда практика твоя закончится, потому что не хотел, чтобы в банке судачили на его счет. Адрес твой в отделе кадров узнал. Мне как это донесли, сразу по базе тебя пробила. Все вроде неплохо, только зачем моему сыну синичка, когда в Гамбурге у нас для него царевна-лебедь приготовлена. С ним говорить даже не стала. Он у меня упорный, ни за что бы не послушался. А ты все правильно поняла и ушла, чтобы ему

не мешать. Только одного предусмотреть я не смогла, что он за тобой кинется. И так, и этак его останавливала, куда там! Не удержала! Вообразила себя истиной в последней инстанции, не только счастья мальчика моего, чуть жизни его не лишила. Окаянная!

Слезы текли по ее щекам, иногда она промокала их платком, уже абсолютно мокрым.

– Он сначала в сознании был, все имя твое, говорят, повторял. А когда я приехала, он уже в кому впал. Мы врачей привезли, оборудование, его сейчас перевозить нельзя... – Я верю, все будет хорошо! Нам надо сильными быть, нам его на ноги ставить. А все остальное – забыто. Проехали!

– Правильно. Молодец, дочка! Хватит сопли жевать... Петр Васильевич! – зычно позвала Алла Павловна, поднялась с легкостью, неожиданной при ее внушительных габаритах и ринулась в реанимационное отделение. Королева снова предстала перед своими подданными, и все закипело, забурлило вокруг.

Саша долго возвращался к себе. Мы были рядом – его семья и я. Через месяц его перевезли в частную клинику в Москве, а к Новому году отправили на реабилитацию в Швейцарию. Я продолжала учиться, сдавала сессию. Перезванивались мы каждый день. И вот однажды:

– Привет! Как дела?

– Все дела у тебя, а у меня что, пара рубежных контролей, да Конференция по связям с ЕЭС.

– Какая ты умная у меня! Сам себе завидую. Но одного ты точно не знаешь.

– Я много чего не знаю, но что ты имеешь в виду? – Ты не знаешь, что лежит у тебя за дверью.

Подбежала к двери и распахнула ее.

На пороге лежал огромный букет темно-бордовых роз, «миллион, миллион, миллион алых роз». Цветы даже в ванну, наверное, не поместятся.

– Ты – сумасшедший!

– Оказывается, тебя до сих пор гнетут сомнения по поводу моей бедной психики, – стереофоническое звучание голоса заставило меня высунуться из двери подальше. На лестничной площадке на пролет ниже стоял мой Принц. На своих ногах, опираясь на изящную и стильную трость.

– Сашенька!

– Минуточку, девушка, я, собственно, не к Вам.

– А к кому же?!

Он уже входил в квартиру, не без труда преодолев благоухающее препятствие.

– Вера Петровна, добрый день! Я пришел украсть у Вас дочь. Навсегда.

Моя история, начавшаяся как знакомая с детства сказка «Золушка», заканчивается почувствованной в молодости «Анной Карениной». Лишь одной половиной первой фразы: «Все счастливые семьи счастливы одинаково...» Ну, и слава богу!

Непутевая.

Сколько же я пережила пустых обещаний. И ведь каждый раз свято верила сказанному. Может потому, что сама патологически честна. Ни один человек на свете не может упрекнуть меня в том, что я слово дала и не сдержала. А эти болтуны... К 80-ому году обещал лысый кукурузник построить коммунизм? И что? Хотя, минуточку, именно в 80-ом на две недели у нас воцарился коммунизм под названием Олимпиада. Локальный, не для всех. Только для москвичей, да и то, тех, кого не отправили на картошку, в командировки, в отпуск по горячей путевке, или принудительно за сто первый километр. Чистый полупустой город, приветливые лица людей на улицах, вежливые милиционеры, отсутствие очередей в магазинах, сами магазины, ломящиеся от обилия товаров, мы таких и не выдвали, великолепные залы и стадионы, в которых соревнуются лучшие атлеты планеты... Хлеб и зрелища по бросовым, практически коммунистическим ценам, да плюс лето, солнце, обилие зелени. Не стоит гневить судьбу, коммунизм я, получается, повидала. А то, что так быстро он закончился, ничего, «хорошенького понемножку». Зато есть, что вспомнить!

К 2000-ому году обещали коммуналки расселить. Вот тут явный ляп получился. Но я не в обиде. Зачем мне, недавно разменявшей девятый десяток, отдельная квартира. Выть в ней от одиночества и ждать «черных риэлтеров»? Нет уж, увольте! Я лучше здесь, где прожила все послевоенные годы, встречу с костлявой девушкой с косой. Не русой, а острой.

– Я не понимаю, как ты можешь там жить, – давнишняя приятельница Валентина Степановна потчевала меня вкуснейшей сдобой собственного приготовления, – ты же фронтовик. – Пойди, потребуй, встань на очередь, наконец!

– На какой еще конец ты все уговариваешь меня встать? На конец жизни? Зачем, Валечка? Я – одна, много ли мне надо!

– А жить с такими соседями! Врагу не пожелаю.

– Не наговаривай. Она в душе добрая девочка.

– Где ты там душу разглядела, святая простота! Да она – исчадие ада! А кавалер ее тоже, по-твоему, ангел с крыльями?

– Нет. Он человек не простой. Но есть одно обстоятельство, за которое я много ему простить могу.

– Знаю, знаю... То, что он грузин! Велика заслуга!

– Для меня Грузия, это Родина моего мужа. Синее небо, высокие горы, бурные реки и открытые, добрые люди.

– Да ты же там не была никогда!

– Так Дато говорил. Он часто про свой Зугдиди рассказывал. Все думал, что поедем мы с ним на озеро Рица, которое неба голубее...

– Ну, все-все, нечего душу травить. Что ж поделаешь. Проклятая война!

– Проклятая... Да ведь она нас с ним и свела. В одном полку три года провоевали. Он летчиком, а я в метеослужбе. Сколько товарищей за четыре года схоронили, уму не постижимо, а у нас за всю войну ни одного ранения. «Заговоренные», так про нас говорили. Победу в Берлине встретили. Молодые, здоровые. Живые... А через два дня... шальная пуля. И я – одна. На всю жизнь одна.

– Ну, это ты сама так захотела. Какие люди к тебе сватались! Один Иван Захарович чего стоил! Орел!

– После Дато мне все воробышками казались. Да и сейчас кажутся. Жаль, детей не нажили, не успели. Красивые бы у нас дети были...

– Ой, кстати, который час?

– Половина второго.

– Мне же за Юрочкой спешить надо. Из школы приведу, покормлю, а вечером на айкидо поведу. Бедные мои ноги!

– Счастливые твои ноги, есть за кем идти... Да, засиделась я у тебя. На минуточку зашла, называется. Поцелуй внука от меня. И будь аккуратней, на улице очень скользко.

Вышла от подруги. Надо дойти до магазина, купить хле-ба и кефира. К вечеру обещали мороз. Хорошо, гололеда не будет. Самое страшное для меня зимой – поскользнуться. Мне кажется, если упаду, разобьюсь вдребезги, как стекло.

До Универсама добралась благополучно, а вот на обратном пути, буквально за несколько шагов до дома, нога предательски уехала куда-то вбок, и я рухнула, уткнувшись носом в сугроб. Лежу, и думаю, оказывается, не такая уж я хрупкая. Позвоночник вроде цел, ноги шевелятся. Попыталась встать, оперлась рукой о снег и вскрикнула от пронзительной боли. Все ясно. Перелом. Дай, бог, без смещения. Как же подняться то?

– Что ты, баб Аня, расплзалась тут? А еще меня вечно ругаешь, что пью. Ты на себя-то посмотри! – соседка Даша выпорхнула из подъезда, как всегда в боевой раскраске, коротенькой искусственной шубке, высоких, знавшие лучшие времена сапогах и тоню-сеньких колготках.

– Сегодня мороз обещали, пойдешь, хоть рейтузы надень.

– Ты здесь что, как градусник валяешься? Встать то можешь, метеоролог хренов?

– Я руку, кажется, сломала...

– Ох, горе горькое, – она схватила меня подмышки и не без труда, но поставила на ноги.

– Спасибо, Дашенька, – придерживая больную руку здоровой, тихонько направилась к подъезду.

– Баб Ань, у тебя может, и сотрясение мозга случилось. Ты куда лыжи наострила?

– Домой, куда ж еще?

– А про травмпункт ты слыхала? Не при царе Горохе живем.

– Может трещина там, тогда и так обойдется. А в травмпункте сей-час столпотворение наверняка.

– Что за беспечность дикая! «Может трещина»! Сейчас поедем и все выясним. Броне-поезд подан!

У Даши, действительно, есть машина. Появилась вместе с мужем Эдиком. «Жигули» старенькие, местами ржавые, но вполне боевые.

– Да ты же торопишься куда-то. Я сама дойду. Только паспорт и полис дома возьму.

– Пока ты полис возьмешь, тут до полюса дойдешь. Не дрейфь, баб Ань, садись, все пучком будет. А продукты твои в багажник кину.

Мотор зарычал, окутав машину плотной завесой дыма. Че-рез несколько минут мы уже подъехали к поликлинике, на первом этаже которой располагался травмпункт. Вошли в вести-бюль, и стало понятно, в кабинет я попаду только к ночи. Народу было видимо-невидимо.

– Все, Даша, поезжай. Дальше я сама.

– Чего ты сама? Домой попрешься за полисом своим? Вторую руку поломаешь и ногу заодно? Сиди и молчи. Поняла?

Я села на стул рядом с гардеробом и глядела, как полная невысокая фигура, обтянутая рыжей шубкой, решительно продвигается к заветной двери, переругиваясь на ходу с сидящими в очереди моими товарищами по несчастью. Рука заметно распухла и налилась тупой болью. Надо отвлечься. Дашка... надо же, какая она отчаянная! Непутевая!

Когда, вернувшись с фронта, оказалась здесь на Спиридоновке в комнате тети Паши, в квартире жили еще две семьи: Поповы и Гороховы – Дашкины прабабка с прадедом, почти мои ровесники, с сыном Гришей, веселым, разудалым троечником. Поповых было не видно не слышно. Меня всю жизнь занимало одно – работа, вечно пропадала в длительных командировках, то в Арктике зимовала, то на огромном корабле-лаборатории бороздила Индийский океан по заданию Академии наук. Тетя Паша, светлая ей память, была просто святым

человеком, если бы не она, не знаю, как бы выжила тогда в 45-ом, оставшись вдовой в 22 года. К ней весь дом ходил, кто за советом, кто занять денег до получки, а кто просто душой отдохнуть рядом с этим удивительно добрым человеком. Гороховы же, как сейчас говорят, зажигали вовсю! Пьяные дебоши, сопровождавшиеся обязательным мордобоем, перемежались непродолжительным затишьем, давая дому временную передышку перед очередным многодневным представлением. Гриша тем временем подрос и женился на Вере из соседнего дома. Теперь куролесили вчетвером. Молодежь переплюнула стариков по размаху пьяного буйства, и те тихо убрались один за другим, освободив молодым жилплощадь. Потом у Веры родилась дочь, худенькая почти прозрачная Ксюша. Растили ее всем миром, кто вещички принесет, кто покормит, поделившись своими скудными запасами. Она торопилась жить, взрослеть. Рана начала пить, рано забеременела, в 17 родила сына Леню, через пять лет Дашку, а еще через несколько лет ее нашли замерзшей насмерть где-то в Подмоскowie. Дети остались на попечении бабки и деда, которые, ужаснувшись такому концу их единственной дочери, вдруг протрезвели и присмирели. На время. Этого времени хватило, чтобы государство доверило им воспитание внуков и даже отдало освободившуюся после смерти Поповых комнату. А потом понеслось! Тетя Паша к тому времени давно умерла, и я, в силу возраста переставшая ездить в дальние края, осталась с Гороховыми один на один. Все боролась за Дашку, в театры с ней ходила, в музеи, книжки читала, но не справилась. Конечно, своих детей никогда не было, откуда мне знать, как их учить надо, что делать, чтоб отвадить от змия зеленого, поганого. Особенно, когда в роду сплошные алкоголики, и в доме вечно дым коромыслом. Леньку в армию не взяли, не успели, он попал в тюрьму за хулиганство, где умер от туберкулеза. Это в наше время! На самом пороге XXI века! Гриша умер лет пять назад, а в прошлом году за ним последовала Вера. Из Гороховых осталась одна Дашка. Как же долго я живу на свете, одних Гороховых сколько пережила!

– Простите, кто последний? – девушка с синюшным лицом и ужасным кровоподтеком под правым глазом, дохнув перегаром, остановилась возле меня.

– Я.

– За Вами буду.

За ней подошли еще трое, когда вернулась Дарья.

– Давай, баб Ань, шевели копытами. Нам на рентген на третий этаж.

– Простите, я за этой гражданкой стою. Бабушка, Вы за кем?

Я растерялась. Мы ведь очередь не занимали. Как не хорошо получилось! Дашка же, мгновенно оценив ситуацию, бросилась в бой. Как всегда, очень своеобразно.

Тебе что, не один, а два глаза подбили? Видишь, старуха не в себе. Ей вообще в этот кабинет не нужно, ей к психиатру нужно. Или тебе тоже туда?

– Мне к травматологу...

– Ну и отвянь!

С трудом поспевая за грубой девчонкой, заковыляла к лестнице, позади на повышенных тонах люди выясняли свою очередность.

– Ну, ты, баб Ань, даешь! Сказала, молчи! Значит, молчи! Видишь, склоку какую устроила?

– Я устроила?

– А то кто ж? Да ладно, расслабься. Все нормуль! Тебе положено без очереди проходить, как ветерану войны, только фиг бы тебя кто пропустил, даже нацепи ты все свои медальки.

– Как же тебе удалось талон на рентген взять?

– Как сейчас все делается, на коммерческой основе. Умора! Врач спрашивает, кого смотреть надо. Говорю, бабульку родную. Как фамилия? Не помню твою фамилию, хоть убей. А отчества и года рождения вообще не знала никогда. Он так подозрительно: «Это ваша

бабушка?» А я говорю, какая тебе разница, Айболит, моя не моя. Я же ее полечить прошу, а не эту...эвтаназию произвести. Ну, все, вот кабинет. Иди, я здесь подожду.

Давно должна была привыкнуть к ее манере разговора, но каждый раз меня корбит. Сделала снимок. Вышла в коридор и села рядом с Дашей ждать результат.

– Баб Ань! Беременная я. Сегодня утром тест показал. Все. Пить брошу. Курить тоже. На работу не пошла, хотела к Эдику на рынок метнуться, две полоски ему показать, а ты у подъезда валяешься. Хочешь, тебе покажу. На, гляди, – и она извлекла из кармана шубки маленький пакетик, – а ты все не верила в его любовь ко мне. Подозревала, черт знает в чем. Да Эдик раскрутится, он десять квартир в Москве купит.

– Рада за тебя, девочка. Пусть хоть у тебя все путем сложится. Вынесли мокрый снимок. Я посмотрела. Трещина. Вот и славно. Руку бинтиком зафиксирую, ничего, срастется.

– Так я тебя домой и пустила. Сейчас Айболиту позвоним... Але! Бабке рентген сделали, она говорит, трещина... Гипс, понятно... Да Вы что, хотите, чтоб нас в очереди растерзали? Вам же работы больше будет... В туалете... Ладно... идем! Значит так, баб Ань, сейчас дуюм с тобой в туалет на втором этаже.

– Спасибо, я не хочу...

– Да не за этим. Гипс тебе на руку наложат.

– В туалете?

– А ты б хотела, чтоб тебе гипс где накладывали? В Георгиевском зале?

– Но почему в туалете?

– Чтоб тебя в очереди не помяли. Врач туда подойдет и все сделает, как положено.

Действительно, рядом с мужским туалетом стоял доктор. Галантно распахнул дверь:

– Прошу. А Вы, сударыня, – обратился он к Даше, – постарайтесь, чтоб никто нам не мешал. У Вас получится, не сомневаюсь.

На подоконнике были разложены лоточки с гипсовыми бинтами. Взглянув на снимок, врач подтвердил мой диагноз – трещина.

– Хорошо, что тянуть не придется. А то, представляете, какие бы звуки отсюда неслись, что бы люди подумали. Хотя Ваша внучка нашла бы нужные объяснения. Очень доходчиво она умеет объяс-нять... Ну, вот и все. Гипс не мочить, снять недели через четыре. Берегите себя.

Он выскочил из уборной первым, за ним, под недоуменные взгляды немногочисленных посетителей кабинетов второго этажа, из мужского туалета вышла я.

– Чего уставились? – Дашка опять шла в атаку, – будет пожилой че-ловек разбираться, где что. Хорошо, что в коридоре не обделалась!

– а потом мне тихо, – Сейчас тебя до дому доставлю и к Эдику поеду. Вот он обрадуется. Грузины детей любят.

– У вас будет очень красивый малыш.

Она довезла меня до подъезда и унеслась на своей таратайке. Поднялась в квартиру, а там Эдик. Вот те на! Дашка к нему мчится, а он дома. Аккуратно, боясь потревожить больную руку, сняла пальто. Надо сказать, чтоб он ей позвонил и вернул с пол-дороги. Но Эдик и так говорил по телефону с какой-то Тамрико. Разговор шел по-грузински, поэтому Дашин муж не пытался говорить тише. Он же не знал, что язык этот мне знаком. Говорить не говорю, но понимаю многое. Слишком многое для моего бедного сердца. Разговор закончился. Эдуард, улыбаясь, посмотрел на меня.

– Бабушка Аня, Вы не знаете, где мою жену черти носят?

– Нет, Эдик.

– Почему Вы такая бледная? Вам плохо?

– Плохо. Я руку сломала.

– А-я-яй! В такую погоду лучше на улицу не выходить.

– Сейчас наверх к Дусе поднимусь, а потом из дома ни ногой!

Он занялся какими-то делами, а я выскочила, точнее сказать, вывалилась на лестничную клетку. Времени мало, очень мало, а я не хожу, ползаю. Дашку спасать надо, бедную мою дурочку непу-тевую. Хорошо, что милиция в соседнем подъезде располагается. Хорошо, что сапоги я не сняла, не успела. Так без пальто туда и потащилась. Участковый, совсем молодой мальчик. Надо толково все объяснить, чтоб сразу понял, как Дашка говорит, въехал.

– Добрый вечер, я Анна Петровна Давыдова, по мужу Ревадзе, живу в 56-ой квартире. С Дарьей Гороховой и ее мужем Эдуардом Папишвили. Он сегодня ее убить собрался. Вы обязаны не допустить этого!

– Минуточку. Это он сам сообщил Вам о своем намерении, или Вам карты на то указали?

– Сынок, я в своем уме. Послушай внимательно. Сердцем слушай. Дело очень серьезное. Он сейчас по телефону говорил, по-грузински. Думал, никто язык не понимает, можно говорить, не таясь. А я понимаю по-грузински, у меня муж грузином был. Он сказал какой-то Тамрико, дословно: «Подохнет, как мать. Клофелин забрал. Скоро будем вместе. Люблю. Целую».

– И что это значит?

– А то, что Дашина мать пьяная под забором замерзла насмерть. Сегодня мороз. Он клофелин где-то забрал. И любит он какую-то Тамрико, не жену свою Дашку. Она одна. С ней что случится, площадь ему достанется. Думай, мальчик! Быстро думай. Она вот-вот дома будет. Каждая минута дорога.

– Анна...Петровна, может, Вы перевели что-нибудь не так? Давно не практиковались в языке...

– Ну, уж «клофелин», он и на грузинском «клофелин». И остальные слова точно помню. Как я могу забыть «люблю, целую».

Он колебался всего минутку. Все понял верно. Хороший мальчик, правильный.

– Анна Петровна, Вы идите домой. Постарайтесь предупредить соседку, чтоб ничего не пила, не ела. А еще лучше, чтоб подыграла ему, вроде она уснула. А я рядом буду, не волнуйтесь.

– Да как же не волноваться?!

– Держитесь. А что у Вас с рукой?

– Сломала сегодня.

– Да, день у Вас не легкий выдался. Ничего, бабушка, все пройдет. И этот день тоже.

– Спасибо тебе, сынок, на добром слове. Зовут-то тебя как?

– Василий. Вася.

Кое-как доковыляла до подъезда. Уже заметно подморози-ло. И надо же, счастье, Дашенька подъезжает. Все-таки есть бог на свете!

– Ты прикинь, баб Ань, он дома оказывается! А ты чего без пальто? Правда, рехнулась на старости лет...

– Дашенька, помолчи, меня послушай...

– Да не собираюсь я тебя голую на морозе выслушивать. Пойдем домой, там поговорим.

– Нельзя дома. В подъезде меня выслушай.

И она выслушала. Всегда вспыльчивая, грубая, не перебила меня ни разу. Первый раз в ее совсем еще короткой жизни. Потом помолчала и спросила:

- А с этим, что делать? – и вынула из кармана пакетик.
- Ничего Дашенька, вырастишь. Я как могу, помогу. А ему говорить...
- Ни за что не скажу! Слушай, а мент меня не кинет? Придет?
- Он мне показался приличным человеком. Толковым и порядочным.

– Ой, баб Ань, у тебя все хорошие. Порядочный мент, это ж надо же! Ладно, всем смертям не бывать, а одной не миновать! Иди! А я чуть позже.

Я вошла в тепло родной квартиры и не ощутила его. Холодный ужас занозой сидел в сердце. Здесь под одной крышей с нами притаилась мерзкая, подлая гадука, и она готова нанести удар. Я старая, мне не страшно умирать, но девочка, ей еще жить и жить... Мы одолели фашистов, выиграли Великую войну, а теперь я буду бояться эту гадину? Не бывать этому! Вошла в комнату, прикрыла дверь и обратилась в слух.

Вот пришла Даша... Перекинулись парой фраз... Дашень-ка, умница, хорошо держится... Пошли в комнату... Этот прошмы-гнул на кухню, сейчас будет клофелин ей сыпать. Сейчас бы взять автомат и... Нет, надо, чтоб все по закону было. Так и будет!

За окном стемнело совсем. Дни-то в декабре коротки. Дверь их комнаты скрипнула, открылась, значит... Звук непонятный, будто что-то тяжелое тянут... Хлопнула входная дверь. Я бросилась к окну. Вот от подъезда отъехала одна машина, спустя полминутки другая. «Господи, иже еси на небеси...» Так и не выучила ни одной молитвы до конца... Боженька, если ты есть, будь на нашей сторо-не. Защити девочку. Она грубая, иногда злая, но ведь не безнадежная. Вот, ребеночка ты ей послал, так сбереги их. Защити. На тебя уповаю.

Даша вернулась где-то около полуночи. Не одна, с Васей-участковым и еще двумя милиционерами.

– Баб Ань, ты мне жизнь спасла, – произнесла буднично, как «добрый вечер», – и вот он тоже, – она ткнула Васю в грудь.

– А где изувер этот?

– Он, Анна Петровна, там, где ему и полагается быть, в следственном изоляторе. Мы сейчас здесь немного поработаем, чашечки на анализ возьмем. А Вы идите, отдохайте. Я Вам говорил, что сегодняшний день кончится, вот все и закончилось. Рука болит?

– Не знаю. Я о ней не думала, не вспоминала.

Пошла, легла на кровать. Рука... если бы не рука, как бы все сегодня сложилось? Чудны дела твои, господи!

Несмотря на ноющую руку, долгие волнения вчерашнего дня, спала, как ребенок. Проснулась около восьми. Батюшки! А Василий-то, судя по сапогам в коридоре, у Дашки ночевал. Вот непутевая! Из огня, да в полымя. Парень-то он вроде ничего, и прописка наверняка есть, не бывает участковых без прописки, да только что у него на уме? Зачем ему Дашка? Да еще беременная. О-хо-хо! Ничего старая моя голова не понимает.

Вася, тем не менее, перебрался к нам. С вещами. Вопросов я не задавала. Ни про них, ни про перипетия страшного вечера. Захочет Даша рассказать, сама ко мне придет. А наставлять ее, поучать, это увольте, себе дороже выйдет. И она пришла. Не сразу, месяца два, наверно, прошло, а то и больше. Зашла в комнату, села у кровати, я лежала уже, сканворд разгадывала.

– Баб Ань, Вася мне предложение сделал... – Так ты же замужем!

– Застарелая у тебя информация. Неделю назад развелась. След-ствие еще тянется, но сволочь эту лет на восемь упекут, это точно. Он ведь тогда меня в лес завез, хотел выбросить в канаву придо-рожную. Люди мусор так не выкидывают, до помойки везут. А он жену... Если бы я того чаю хлебнула... Там клофелина столько было, на слона! Все рассчитал, гад, никто бы с окоченевшим тру-пом не возился. Несчастный случай. И все. Он чист. Потом бы, конечно, с тобой как-нибудь разделался. И квартира вся его.

– И ты в твоём положении кубарем в канаву летела?

– Ага, счас тебе! Он меня из машины выволок, думая, что я уже того, а я вцепилась ему в рожу. Всю харю расцарапала, он орет, чуть сам в канаву не улетел. А тут Вася подоспел, скрутил этого. Так на двух машинах и вернулись. Они на одной, я на другой. Ну, что скажешь,

баб Ань, замуж за Ваську выходить? Ты ж рентген, всех насквозь видишь. Вон, Папишвили сразу раскусила.

– Выходи, коль любишь. А он знает, что ты ребеночка ждешь?

– Тут такие дела! Он мне как предложение сделал, я ему говорю, беременная я, а он, вот и здорово! Понимаешь, он решил, что это его ребенок будет. Может, пусть так все и останется. Мы когда жить начали, беременности моей где-то пять-шесть недель было. Так можно сказать, что ребенок недоношенный родился. А, баб Ань?

– Нельзя жизнь с обмана начинать. Любит, поймет.

– А если сбежит?

– Вряд ли. Уж коли он тебя такую бестолковую замуж берет, то и ребенок не помеха будет. А ты-то любишь его? Или того больше любила?

– Люблю, баб Ань. Крепко люблю. Сама не ожидала от себя. А тот... Замуж хотела, как все, чтоб платье, фата... Наобещал с три короба... И ни свадьбы, ни платья. Расписались по быстрому. А потом стакан клофелину, пей, любимая. Но в этот раз все по-взросло-му будет. Гости, ресторан, платье и фата.

– Да у тебя ж живот торчать будет.

– Ну и пусть себе торчит. Хочу!

– Непутевая ты. А я тебя все равно люблю. Нет у меня никого ближе тебя, Дашенька. Вот помру, тебе комнату освобожу...

– Я тебе помру! А кто ребенка моего манерам учить будет, книжки ему читать. Знаешь, баб Ань, я ведь все книжки помню, что ты мне прочла. И как в театр ходили на эту... курицу.

– На «Синюю птицу».

– На нее. Если я не спилась, так это только из-за тебя. Всегда дума-ла, глядя на тебя, есть ведь, есть другая жизнь. Может, и у меня по-лучится. Ты поживи, пожалуйста, подольше. Постарайся, ладно?

– Ладно. А ты Васе про ребенка расскажешь?

– Расскажу...

Она рассказала и хорошо сделала. Потому что во время свадебного застолья конфуз случился. Дашка девушка в теле, полненькая. Живот у нее не слишком заметен был, хоть срок семь месяцев миновал. На свадьбе далеко не все догадывались об интересном положении ново-брачной. «Горько!» кричали, просили с наследниками не затягивать. Как за детей выпили, так у нее и воды отошли. Так в один день стала и женой и матерью. Непутевая!

Режим «On line».

Меня зовут «мама». Так зовут меня и дети, и муж, и даже моя собственная родительница, сама, правда, безропотно отзывается на «бабушку». Подруги, позвонившие мне, обычно просят: «Позовите, пожалуйста, маму!», – а, когда я беру трубку, продолжают разговор примерно так: «Ну, как дела, мамочка?» Бить себя в грудь, утверждая, что я не их мать, глупо. Думаю, они сами это знают. Поэтому покорно принимаю обращение.

Нет. Конечно, у меня было какое-то другое имя. Но это было «давно и не правда», будто в другой жизни. Странно, но когда я вспоминаю прошлое, память, в лучшем случае, подсовывает картинки из раннего детства моих детей. Кажется, что это было в ста-родавние времена, хотя, объективно говоря, прошло всего лет 15. Представить же, что было время, когда я носила собственное имя и не была связана никакими семейными обязанностями, просто не могу. Курсор памяти прочно застрял на моменте рождения первого сына, что было до того – скрыто в тумане. Есть такой анекдот: «Что у Джеки Чана короткое, у Арнольда Шварценеггера длинное, а Папа Римский им совсем не пользуется? ...Имя». Вот в этом смысле, я – совсем как Папа Римский.

День мой забит до безобразия, и, до неприличия, похож на все остальные. Растолкать, накормить, проводить, убрать, пости-рать и т. д., и т. п. Список полезных, но, абсолютно, неблагодарных дел, известен большей, как говорится, лучшей части человечества. Перечислять не стоит. Песенка про «пони, бегающую по кругу», на самом деле, про меня. И про всех прекрасно-несчастных, кому выпало родиться женщиной.

Нет. Я не жалуясь. В конце концов, я сознательно выбрала эту жизнь. Безумно люблю своих домашних монстриков, и всех вместе и каждого по отдельности. Но иногда, между проверкой до-машних заданий детей и поиском затерянных документов мужа, на секунду зави-саю во времени и пространстве, соображая: «Это все ИХ дела. Неужели, мамочка, твоя жизнь состоит только из решения ИХ проблем?!» Впрочем, времени на ответ никогда не бывает. «Не тормози!» – слышу я даже не высказанное вслух нетерпеливое раздражение и, закусив удила, мчусь по кругу длиною в день.

Раньше, когда дети были маленькими и ложились спать рано, у меня были вечера. Это было восхитительно! Я начинала готовиться к вечеру после шестичасовой программы «Новостей». Придумывала, как встречу мужа с работы, как зажгу свечи, как мы будем сидеть рядышком и болтать обо всем, или молчать об этом же. Если же Олег уезжал в командировки, по вечерам я звонила подругам, или смотрела любимые фильмы, или просто сидела, наслаждаясь тишиной, и в голову мою, правда-правда, приходили стихи. Я не записывала их, просто радовалась, как радуются долгожданным гостям.

Дети подросли. Теперь они укладываются спать позже меня. МОИ вечера канули в Лету. Стихи меня больше не беспокоят. Муж приходит домой усталый и заваливается на диван перед телевизором, или утыкается с сыновьями в экран компьютера. Иногда я бунтую и требую к себе внимания. «Дорогой! – говорю я, – по статистике муж и жена, прожившие в браке больше десяти лет, говорят друг с другом около двух минут в день. Давай не будем искажать серьезные научные данные. Я требую, чтобы ты со мной поговорил две минуты!» «Ну, мамочка, – отмахивается обычно Олег, – помнишь, в воскресенье, когда ходили в магазин за продуктами, мы довольно долго дискутировали с тобой по поводу сосисок. Минут шесть. Так что перед наукой мы чисты».

Сегодня на глаза мне попала старая записная книжка, еще из «прошлой жизни». С трепетом перелистывая пожелтевшие страницы, я наткнулась на переписанное почти детским почерком высказывание Альбера Камю: «Все мы, сознавая это или нет, по-нимаем, что существует любовь, для которой нет пределов, и тем не менее соглашаемся, и даже довольно спо-

койно, что наша-то лю-бовь, в сущности, так себе, второго сорта ». Когда я писала эти строки, догадайтесь с трех раз, какой я представляла свою любовь? А «что мы имеем», как любит выражаться дочь? Я улыбнулась, подумав об Олеге. Олег... Олежа... Конечно, наши безумные ночи, дикие сцены ревности и прочие атрибуты африканских страстей давно в прошлом, но... Он родной мне человек. Не могу назвать свое чувство к нему привычкой, тогда и дети – привычка, и мама... Мне важно, чтобы он был жив и здоров, чтобы ему было хорошо. Иногда, звоня мужу на «мобильник» и слыша: «Абонент временно не доступен...», я делаюсь просто больной. В голову начинают лезть мысли одна другой страшнее – он попал в аварию, лежит и зовет: «Мамочка!», или он зашел в обменный пункт, и его захватили террористы, отобрали телефон, избили... Понимаю, бред собачий! Но ничего поделать с собой не могу. Мне кажется, если он возьмет трубку и скажет: «Мамочка, не волнуйся, я жив, здоров, сижу у любовницы», я буду просто счастлива: «Умница, шалунишка мой, только возвращайся не поздно!» Нет! Я не согласна, что моя семья создана второсортным чувством.

«Речь не о том, но все же, все же, все же...» Надо честно признаться, хотя бы самой себе, мне мало того, что есть. Хочется большего! Но чего? Вот вопрос!

И тут меня пронзила мысль: «Ведь для того, чтобы твоя любовь представляла собой что-то необыкновенное, надо, чтобы и ты что-то из себя представляла. А я?» Действительно, кто я? Что я? Боже мой, как я живу? Меня поглотил быт. Он убивает меня, прямо как Гринпинская тряпина душку Янковского в фильме «Собака Баскервиль». Этому надо положить конец. Мне надо вытащить себя из этого болота, только как? С чего начать? «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» Решено! С сегодняшнего дня меняю свою жизнь. Убираться в квартире заставлю детей. Нет, они только грязь разведут... Ладно, уборка останется за мной. Готовка... Ну, это тоже на мне, не оставлю же я своих зайчиков голодными. Но! Мусор пусть выносят сами. И к неубранным кроватям я больше не прикоснусь! А самое главное – отныне я устанавливаю себе свое личное время. Пусть это будет всего пара часов... Я окинула взглядом кучу грязной посуды в раковине, гору неглаженного белья... Хорошо, час в день. Но это будет МОЕ время, никто и ничто будет не в праве нарушить моего уединения. Да будет так.

Выйдя вечером в магазин, остановилась и посмотрела на небо. Как давно я не делала этого! Звезды, много лет глядевшие на мою унылую макушку и, вдруг, увидевшие поднятые к ним глаза, казалось, одобрительно подмигивали мне: «Не волнуйся, мамочка! Мы верим в твой потенциал!» Окрыленная, влетела я в магазин, сделала запланированные покупки, и купила себе мороженое. Обалденно дорогое, за эти деньги можно купить пять прекрасных брикетиков. Но я прекращаю экономить на себе! Теперь я буду себя баловать. Иногда.

Я медленно шла домой, наслаждаясь восхитительным вкусом. Под ногами хлюпала снежная каша, вперемешку с песком, грязью и еще, бог знает, с чем. Обычно меня жутко раздражает эта жижа, но сегодня я была снисходительна и благодушна. Это было великодушное сильное к слабому, победителя к побежденному. Мне казалось, что не снежное месиво, а бытовые проблемы пытаются сдержать мой легкий шаг. И твердо знала, ничего у них не получится. Нет ни единого шанса остановить меня начать новую жизнь. До-плыть до дома. Доест этот рожок, наконец!

*«Вот уж скоро весна разметет эту хлипкую слякоть,
Будет солнечный зайчик беспечно по лужам скакать.
И захочется жить, и любить, и смеяться, и плакать,
И та-та-та-та-та захочется верить опять!»*

Ну, надо же! Стихи! Мои. Они вернулись! Осталось только подобрать слова вместо та-та-та-та-та. Подумаю об этом завтра в МОЕ время!

За ужином я изложила домочадцам свои требования:

– Отныне, друзья мои, лафа для вас кончилась. Теперь мусор выносите вы, постели убираете вы и посуду моете тоже вы. Вопросы есть?

– Есть. А если мы ...м-м-м... забудем это сделать, как долго ты сможешь терпеть вонь от мусора, грязную посуду и беспорядок в комнатах?

– Поверьте, мое терпение безгранично. Я буду слепа, глуха и нос у меня будет зажат прищепкой. Но учтите, если раковина будет занята посудой, я не смогу готовить. Так что вам решать, будет у нас обед и ужин или нет.

– Это произвол и гнусный шантаж, – завопил старшенький.

– Между прочим, – вставила дочка, – по Международной конвенции о правах ребенка родители обязаны кормить своих детей. Мы на «Граждановедении» проходили.

– А я и не отказываюсь. Но, во-первых, разве вам на граждановедении не говорили, что надо помогать взрослым, а не паразитировать на их родительских чувствах. А, во-вторых, кроме мамы у вас еще и папа имеется. Уж он-то наверняка сможет почистить картошку в забытой посудой раковине. Правда, дорогой?

– Конечно, мамочка! – Олег оторвался от газеты. По-моему он пропустил весь разговор мимо ушей, – конечно, я куплю картошку. В субботу.

– Вот вам радужная перспектива, – усмехнулась я, – в субботу вас возможно покормят. Учитывая, что сегодня вторник...

– Пап, – младший теребил отца, – мама бунтует. Она отказывается готовить, если мы не будем мыть посуду. Готовить придется тебе.

– Вот именно, – я поднялась и гордо удалилась из кухни, уходя, я отлично слышала, как они поспорили на сколько меня хватит, на полдня или на день.

Утром следующего дня, отправив мужа на работу, а детей в школу, убедившись, что кровати не убраны, посуда не вымыта, мусор на месте, я не впала в отчаяние. Быстро переделала все остальные дела: запустила стиральную машину, вымыла пол, протерла пыль, накрутила котлет. Кровати застилать не стала, хотя руки, ох, как чесались. Может повезет, и к детям сегодня придут в гости друзья, тогда, надеюсь, моим оболтусам станет стыдно за бедлам в их комнатах. Нашу спальню тоже оставила неприбранной, за компанию. Посмотрела на время, за младшим надо отправляться через час с четвертью, значит, я все рассчитала правильно. Вот и пришло МОЕ время. Как бы им распорядиться, «чтобы не было мучительно больно...» Я сварила себе кофе, сделала тосты и отправилась в кабинет, единственную прилично выглядящую комнату.

Включила компьютер. Интересно, чем занимаются люди, просиживая часами перед монитором. Посмотрим. Так, значок Интернета. Нажимаю. Что ж, добро пожаловать в Сеть!

Я как будто попала в другой мир. Безграничные возможности лазания во «Всемирной паутине», буквально, опьяняли. Хочу общения! «Больше собеседников хороших и разных». Мои мальчишки все время «чатятся». Набираю «www.chat.ru». Здорово! Как оказывается все просто! А мне-то всегда казалось, что люди, умеющие пользоваться «компом» – полубоги.

Так. Почитаем, что пишут... Народ развлекается вовсю, кто на что горазд. Знакомятся, шутят в меру своей испорченности, ругаются... С чем же мне выйти на этот праздник жизни? Ах, да! Строчка в стихе!

Мое сообщение выглядело так: «Дамы и господа! Помогите молодой начинающей поэтессе дописать последнюю строчку в эпохальном произведении. Тем самым Вы дадите ей возможность получить приличный гонорар и не погибнуть голодной смертью. В качестве вознаграждения – чувство глубокого морального удовлетворения, что именно Вы не дали пропасть юному таланту». Юному, это сильно сказано. Хотя, я же говорю не о себе, а о таланте. А талант мой, прямо скажем в зачаточном состоянии, так что не очень-то погрешила я против действительности. Далее шел сам шедевр:

*«... И захочется жить, и любить, и смеяться, и плакать,
И.....захочется верить опять!»*

Я отправила послание, отхлебнула кофе и, хрустя тостом, стала ждать откликов. Долго ждать не пришлось. Версии посыпались, как из рога изобилия. «... В счастливые завтра» – имеет право на существование, но не то. «...В зловонные кучи» – это без комментариев. «...В зарю коммунизма» – ого, даже так! «...Речам демократов» – господа, и кого только нет в сети. Право слово, в сортире и в Интернете все равны. «...В любовь до могилы», «... Учительским бредням», «...Папаше с мамашей» – а-я-яй, и почему же вы не на уроках, прогуливаете?! И вдруг: «...В разумность поступков». Зацепило! Правда, это то, что надо. Кто же сие написал? Какое-то 4406. Молодец!

Я вывела на экране: «Всем спасибо! Главный приз присуждается 4406. Уважаемое 4406, мое восхищение безгранично, равно как и благодарность. Обещаю свою первую книгу посвящать Вам. Но кто же Вы? «Если старый человек, тятей будешь мне навек...», далее по А.С. Пушкину».

Спустя пару минут экран высветил ответ: «Спасибо за высокую оценку. Польщен! (Ага, так это особь мужского пола!) Увы, информация обо мне строго засекречена, во всяком случае, в рамках этого форума.» Фу-ты ну-ты, какие мы загадочные! «Так давайте выйдем за эти рамки!» Мамочка, а не выходишь ли ты за рамки приличий.

«Где и когда?» – берет быка за рога, это 4406 не промах. Я бросила взгляд на часы, МОЕ время истекало. Золушке пора возвращаться к своим кастрюлям. «Ваши предложения?» «Скину их на твой e-mail. Называй!» Понятия не имею, есть ли у нас этот e-mail, и уж тем более его номер. А любопытство разбирает. Пишу: «Завтра. На том же месте, в тот же час», – выхожу из Сети, выключаю компьютер и бегу в школу.

Что ж, легкую порцию адреналина я сегодня получила. Час прошел не зря! Целый день ходила гордая, как индюк. У меня по-явилась маленькая тайна. Намек на личную жизнь, жизнь, выходящую за рамки семьи. Это «круто», как сказали бы дети.

Вечером, когда мы сидели и ужинали (между прочим, из блюдец, все тарелки были грязными), я как можно непринужденнее поинтересовалась, есть ли у нас e-mail .

– Ого! – воскликнул сын, – «паутина» притянула даже самые отсталые слои населения. Мам! Я горжусь тобой.

Олег же таак на меня посмотрел! Своим коронным взглядом с прищуром. По-моему я его и полюбила за этот взгляд. Но сегодня я не растаю, не надейся, дорогой. И посуду не вымою, и секреты свои не выболтаю. Вот так!

На следующий день мусор пах уже вполне ощутимо, гора грязной посуды заполонила всю кухню. Ну что же за люди, мои домочадцы! Ну ладно же, война, так война! Ради отстаивания своих прав я готова идти до конца. Даже если придется пережить нашествие тараканов. Самым возмутительным было то, что это муж мутил воду. Дети еще вчера готовы были пойти на уступки, но Олег, я слышала!, велел им повременить до его особого распоряжения. Ничего

себе «надежда и опора», вместо того, чтобы поддержать меня, он интриги плетет, паршивец! Ничего, я дождусь этого «особого распоряжения», будьте уверены!

В назначенный час я была «на связи». 4406, казалось, ждал моего появления, потому что как только я написала свой e-mail, пришло послание: «Юную поэтессу ждет сегодня в 19:00 в ресторане «Веселая утка» добропорядочный издатель. Талант нужно кормить». Вот тебе раз! На такие кардинальные шаги я не готова, у меня муж, дети и, наверное, уже тараканы. Но пошлать-то можно. Пишу: «Если Вас не смутит солидный возраст юного таланта, то, что он наверняка прожорлив и выпить не дурак, сообщите, пожалуйста, как узнать Вас, благодетель?» На ответ я, право, не рассчитывала. И вдруг: «Солидный возраст – это прекрасно, с юными дамами общаться бывает затруднительно. Хороший аппетит говорит об отменном здоровье. Вы просто находка! Меня узнаете по журналу «Огонек» в левой руке. Для верности давайте условимся о пароле. Я спрошу: «Вы уже избавились от славянского шкафа?» Что ответите мне Вы?» Подумав, я набрала: «Да, я пустила его на дрова».

Бывают же такие смешные мужики! Интересно, он и в правду придет в «Утку»? Удивительно, но я знаю этот ресторан, мы проезжаем мимо него, когда едем на дачу. Вот бы подглядеть, как выглядит сей «добропорядочный издатель». Пузик толстый, глазки масляные, лысинка – крысавец, наверное.

Раздался телефонный звонок. Звонил Олег:

– Слушай, мамочка! Бросай свои закидоны. Чтобы к моему приходу все было убрано. Не дом, а бардак какой-то! Я на работе, дети в школе, а ты дома сидишь и не хрена не делаешь. Не хотел при детях разговор с тобой заводить. Повыпендривалась и хватит. Ты слышишь меня? – рявкнул он в трубку.

Если бы он в меня выстрелил, и тогда бы не было так больно. Это говорит мой Олег, мой прекрасный спокойный муж?! Значит я для него домработница, которой можно устроить выволочку?! Господи! Да он ни с кем никогда не позволял себе разговаривать в подобном тоне! Ничего! Я не заплачу! Не заплачу!

– Я слышу тебя, дорогой! Боюсь, когда ты вернешься, меня дома не будет. У меня другие планы на вечер.

Он что-то говорил, но я повесила трубку. Аккуратно поло-жила ее на рычаг. Разговор окончен. И жизнь. Во всяком случае, семейная.

Я привела младшего из школы. Вернулся старший сын, за ним дочь. Потом мы сходили в «МакДональдс» (дома готовить было невозможно, да и находиться там мне стало тяжело). Дети были счастливы!

– Мам, у нас что, сегодня праздник?

– Да. Называется «Долой серые будни!»

– Давай устраивать его каждый день! Или кошелек не выдержит? – Желудок не выдержит.

Для закрепления праздничного настроения пошли в кино. Смотрели какую-то комедию. Дети рыдали от смеха, а я просто рыдала. Разница со стороны не заметна. Вернулись домой. Они пошли делать уроки, а я привела себя в порядок, оделась строго, но элегантно, чуть подкрасила ресницы, провела по губам помадой. Отражение в зеркале не разочаровало. Надела новое светло-кремовое пальто.

– Зайцы! Я ухожу. Вернусь поздно. – Куда это ты? Папа в курсе?

– По делам. Папу я в известность поставила. На всякий случай передайте ему, что мусор и грязная посуда вас заждались. Дерзайте! Пока.

На проспекте поймала машину. У ресторана я была ровно в 19:00. Почти вбежала внутрь, не дожидаясь, пока разные мысли ползут в голову, и я передумаю. Остановилась. Огляделась. В зале царил полумрак, на столах мерцали свечи, стояли цветы. Вполне достойный антураж для пожилой авантюристки с разбитым сердцем. Села за свободный столик. Не буду я разыскивать лысого потного пузана с «Огоньком» в руках. А меня он тоже, фиг, вычислит. Я пред-

ставила себе некого Дени Де Вито, который бегаёт по залу и, заглядывая всем подряд в глаза, с надеждой спрашивает о судьбе славянского шкафа. Забавно! Но если я не собираюсь встречаться со своим 4406, то какого черта я приперлась в «Утку», на другой конец города! Впрочем, какой логики можно ожидать от женщины? Правильно, женской. Вот я и сижу со своей логикой за этим довольно уютным столом, сейчас закажу себе бокал «Мартини» и фирменное блюдо заведения. А потом... Додумать, что будет потом я не успела. Кто-то подошел сзади и прошептал в самое ухо:

– Здравствуй, дорогая! Я рад, что ты пришла.

Кровь бросилась мне в голову. Какая я тебе, козел, дорогая! Почти не соображая, что творю, схватила вазочку с цветами и со всего маху треснула по склоненной ко мне голове. Тело, охнув, начало медленно оседать. Кто-то закричал. Подскочил какой-то человек, наверное, секьюрити. Меня словно парализовало, я не могла ни сдвинуться с места, ни говорить. И тут голос подала моя жертва.

– Все нормально. Не волнуйтесь. Мамочка, это я.

С трудом в этом заляпанном кровью человеке я узнала... Олега. Не скажу, что открытие вернуло мне способность говорить. Но какие-то изменения произошли, например, колени подогнулись, и я рухнула на стул. Олег уже заметно ожил. Сунул охраннику зеленую бумажку, тот ушел довольный, а через секунду вернулся с пластырем. Затем муж сделал заказ официанту и отправился в туалет приводить себя в порядок. Я же осталась приводить в порядок свои мысли. Не преуспела в этом. Просто сидела и тупо смотрела на пламя свечи.

Олег вернулся и сел напротив. На лбу у него красовался пластырь, рубашка была в пятнах крови, но он почти смеялся:

– Знаешь, мне нравится твоя реакция. Значит, так ты ведешь себя с ухажерами! И вообще, я – гений!

– Ты не гений, – я обрела дар речи, – ты – сволочь. Что ты мне наговорил?! Я была уверена, что завтра мы с тобой разводимся.

– Разводимся?! Да ни за то! А наговорил? Да. Я старался, чтобы звучало убедительно. Получилось?

– Еще как! Но зачем?!

– Чтобы вытащить тебя сюда.

– Странная логика. Ты думаешь, если бы ты меня сюда просто пригласил, я бы не пошла, а вот если на меня «всех собак спустить», то побегу, значит, вприпрыжку?

– Ну, ты же не ко мне на встречу шла, а к какому-то Мистеру Х. Ведь так?

– Господи! Я ничегошеньки не понимаю! Как это ты оказался им? Как ты меня вычислил? Как это все случилось?!

– Теперь я знаю точно – браки свершаются на небесах. Иначе, как объяснить, что я полез в Интернет, когда и Вам, сударыня, туда приспичило. Что-то мне в одном послании понравилось, ну, а когда вечером ты e-mailом стала интересоваться, я понял, что! А уж когда ты мне наш домашний «ящик» назвала, тут бы и дебил понял, кто эта прожорливая поэтесса. Не мог я такой случай проворонить! Вот и разыграл этот идиотский спектакль со звонком, – он тихонько коснулся лба, – причем, теперь мы квиты. Ты пострадала морально, а я физически. Мир?

– А мусор выносить будешь?

– Да нет проблем! Его уже наверняка дети выкинули и посуду перемыли. Я их попросил до твоего ухода ничего не делать. Ситуацию хотелось обострить, понимаешь?

– Ну, какой же ты гад, – почти с обожанием выдохнула я.

Вечер, который обещал стать самым печальным в моей жизни, кончился феерически! Мы так здорово посидели, потанцевали. Напились прилично, не до зеленых чертиков, но ошутимо. По дороге домой вели себя, как разнужданные ПТУшники: бегали друг за дружкой, пару раз упали, целовались в каких-то подворотнях. Приятно вспомнить! Ни одна машина не хотела

братъ странную парочку, она в заляпанном грязью пальто, а он с отвратительным шрамом на лбу.

– Ты мой Гарри Поттер!

– Нет! Я кавалер, который выжил!

Нам повезло. В мартовской жиже забуксовал «Москвичок», мы честно вытолкнули его на дорогу. Плевать, что теперь были не просто грязны, грязь стекала с нас ручьями. Зато водитель подбросил до дома.

Когда мы ввалились в квартиру, старший еще не спал.

Окинул нас одобрителем взглядом, вздохнул:

– И эти люди не дают мне ковыряться в носу!

Хихикая и толкаясь, мы прошлепали в ванную. Вымылись, переоделись.

– Жаль, – сказала я, – пальто пропало!

– Другое купим. Считай, оно было принесено на алтарь семьи. Ладно, мамочка?

– Какая я тебе мамочка? У меня что, имени нет?! Сыночек!

– Никаких сыночков. Ну, их ко всем мамочкам! Катька! Катюшка!! Мои чувства далеки от сыновьих! – он подхватил меня на руки и отнес в спальню.

Итак, я снова обрела имя. Свое. Собственное. Надолго ли мне хватит безумств этой ночи? Наверное, еще лет на 10-15. А может не доводить дело до очередного кризиса жанра. Решено! Завтра же начинаю искать работу, хватит сидеть дома. Как искать? Ясно как! По Интернету.

Дорогие мои

Отчетливо помню тот вечер. Я, как всегда, вернулась с работы около семи. Разобрала сумки. Вышла с Греем на вечернюю прогулку. Спаниель энергично побежал по знакомому маршруту, я неторопливо побрела за ним. Собачка у нас уже в преклонных годах, за ним можно особенно не следить – через дорогу не кинется, к страшным псам на поводках не подойдет, сам никого не обидит, меня из виду не выпустит. Даже если, увлекшись, убежит далеко, обязательно остановится, подождет, пока я до него дойду, и только потом двинется дальше. Не собака – золото.

Солнышко припекало уже по-весеннему, хотя кое-где еще лежал снег. Самое мое любимое время. «За полчаса до весны». Какая же я счастливая! Еще один апрель подарил мне свою нехитрую прелесть. Я живу. Вдыхаю его аромат. Душа поет. Хорошо, что есть собака, без нее вряд ли выходила бы на улицу по вечерам. Работа, дом, работа, дом, жизнь, как маятник Фуко.

С прогулки не торопилась. Дочка позвонила, сказала, что пойдет после института к подружке. Посидят, поболтают, их там целая девчоночья команда собирается. Держитесь, мальчики, перемоют вам косточки по полной программе. Конечно, пусть развеется Ленка. Неделю, как поссорилась она со своим Лешиком, ходила, будто в воду опущенная. Сколько не говорила ей: «Ну, что ты мучаешься? Позвони, да помирись!» Куда там! Ни в какую! Хотя... Когда мне было 18, ничьих советов я тоже не слушалась. Лучше сейчас промолчать, все само собой образуется. Время все расставит по местам. Всех, кого суждено, сведет, ну, а кому не суждено...

Дома вымыла Грею лапы. Накормила его, перекусила сама. Мне кажется, если бы Ленки не было, я бы с голоду умерла – совершенно не хочется себе готовить. Чайку попьешь, сухариком закусишь, и порядок. Другое дело ребенок, тут обязательно и первое, и второе, и третье. Вот и получается, только благодаря дочке, не испортила я себе желудок.

По телефону поболтать не получится – середина недели, вечер. У подруг мужья с работы пришли, им не до разговоров со мной. Я включила телевизор и села раскладывать пасьянс. Надо же, дожила – все дела переделаны, за дочку душа не болит. Сижу, сама себе хозяйка! Найти что ли краски и попробовать начать рисовать? Раньше у меня это неплохо получалось. Похоже, что свободных вечеров у меня будет много.

Лена влетела, как ураган:

– Мама, мамочка! Я встретила ЕГО!

– Кого его? Лешика?

– Да забей ты на Лешку. Я встретила ЕГО, ты понимаешь?! Конечно, я понимаю тебя, девочка.

– Ну, и кто же ОН?

– Понимаешь, он Иркин сосед. Мы сидели, а он зашел, стали вместе сидеть. Мама, он такой классный, обалдеть! Ты не представляешь! Нас там пятеро было, а он на меня запал.

– Запал? Упал что ли?

– Ну, мамка! Запал, глаз положил, понравилась я ему, понимаешь?

– А что за мальчик?

– В том-то и дело, не мальчик. Мам, он взрослый, настоящий мужчина. Он Афган прошел, сейчас у него фирма своя какая-то.

– Господи, а что ему от вас-то нужно?

– Ничего не нужно, успокойся. Ему Ирка, как младшая сестренка, он ее опекает. А я ему понравилась! Мамулечка моя! Уи-и-и-и! Ленка заверещала, как молочный поросенок. Она всегда так визжит, когда чему-нибудь безумно рада. А вот мне было не до виз-гов-писков.

- Леночка, доченька, сколько же ему лет?
- Он на 15 лет старше меня, – не моргнув глазом, ответила дурочка моя.
- Малыш, ну ты соображаешь! Ему же, значит, хорошо за 30!
- Ну, ты прямо счетовод Вотруба. Твоя правда, ему 33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.